

ДИФИРАМБ

Культура. — 1994. — 2 апр. — С. 9.

И ногу ножкой называть...

Дианы грудь, ланиты
Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.

Не знаю, какую Терпсихору воображаете вы, читая эти знаменитые пушкинские строки, а я всегда вспоминаю Екатерину Максимову. Ее нога, нет, именно ножка «выточена» природой с абсолютным совершенством, что не так часто встречается даже в балете. Не так уж часто встречается и подлинная, блестящая виртуозность — «и быстрой ножкой ножку бьет». Максимова обладает такой виртуозностью — ее четкие, стремительные пассажи и эволюции сверкают блеском бриллиантов самой чистой воды.

Мне ответь хоть теперь:
неужели
Ты когда-то жила в самом
деле!
И топтала торцы площадки
Ослепительной ножкой
своей...

А вот самое точное определение для ножки Максимовой, заимствованное уже у Анны Ахматовой, — ослепительная. Я бы сказал — работы Фаберже. Однако совершенство линий, ювелирная точность и изящество движений — это еще не все. Главное — ее ножка «умеет» перевоплощаться.

Ослепительная в партии Китри, Авроры, Вакханки, она становится плачущей, стонущей в роли Фригии, не менее выразительной, чем заломленная в жесте отчаяния рука хорошей драматической актрисы. Резвая ножка Максимовой — Жизели пленяет юношеской застенчивостью движений, а затем, во втором акте, непостижимым образом соединяет виртуозность быстрых заносок и кружений с почти мистической «сомнамбуличностью». Чуть неуклюжие ножки Максимовой — Маши в «Щелкунчике» к концу балета обретают поступь настоящей принцессы. А острые пуанты ее бездушной Балерины, казалось, могли пронзить сердце бедного Петрушки.

Ножка Максимовой бывает и весьма «остроумной» — с какой иронической элегантностью и лихостью передает балерина в «Старом танго» и «Гусарской балладе» самую изюминку мужского танца. А

в знаменитой «Галатее» ее ножки выделывают, выписывают немыслимые кренделя, настающие каракули с точки зрения классического «чистописания». Но постепенно, на наших глазах, плебейскую косолапость этих ног побеждает образцовая балетная выучка.

Когда стремительный, виртуозный танец сменяется кантиленой, ножка Максимовой словно начинает петь... Екатерина Сергеевна вновь продемонстрировала это в балете Джеральда Арпино «Ангельский круг» (на музыку Малера), показанном в ее бенефис.

Г. Шмаков в своей известной, изданной в Америке книге «Великие русские танцовщики» написал о Максимовой с неподдельным восхищением, но отнес ее к амплу «идеальной субретки и инженерю». Балерина давно преодолела рамки этого амплу, она стала большой балетной актрисой удивительно широкого диапазона, что лишний раз подтвердил ее бенефис.

В самом конце бала Золушки (праздник завершился актом из балета Прокофьева) на сцену вышел Владимир Васильев, не в балетном колете, а в традиционном вечернем

костюме, подал Екатерине Сергеевне хрустальный башмачок, вознес ее ввысь и кружил на вытянутых руках, пока шел занавес. У Максимовой было немало прекрасных партнеров, но, пожалуй, только Васильев умеет поднять ее «в самое небо», вознести так высоко, что замирает дух.

Верные рыцари Екатерины Сергеевны — Владимир Васильев, Андрей Петров, Александр Белинский — помогли ей сделать ярким, праздничным, незабываемым ее вечер. Множество друзей, заполнивших зал Кремлевского дворца, восхищенно аплодировали ей. И я тоже слагаю эти скромные строки к ногам лучезарной бенефициантки...

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН.

P.S. После выступлений в Израиле, прошедших с исключительным успехом, Владимир Васильев, Екатерина Максимова и труппа «Кремлевский балет» показали свою гастрольную программу, в том числе балет «Ностальгия», на сцене КДС. Бенефис блистательной пары продолжается!

● Ах, бенефис, бенефис, бенефис...

Фото Е. Фетисовой.